

*Политические
Онто
Логики*

О.А.Матвейчев

Олег Анатольевич Матвейчев

Политические онтологии

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8341591
Политические онтологии: Соверо-принт; Москва; 2001*

Аннотация

Книга представляет из себя ряд очерков Олега Матвейчева по истории политической мысли (от Аристотеля до Хайдеггера) написанных в начале 90-х годов. Из книги вы узнаете о следующем: – Актуальность основопонятий в «Политике» Аристотеля, – Николо Макиавелли – без тайн и загадок, – Спиноза. Самая дискуссионная этика – «Спор о морали», Г. Спенсер и Ф. Ницше – Социально-политическая техноутопия Циолковского – Онтология нового времени в интерпретациях М. Хайдеггера Книга рекомендована к прочтению политологам, политтехнологам, философам, а также всем, кто интересуются проблемами политики, философии, онтологии, и другими гуманитарными дисциплинами.

Содержание

Предисловие	4
«Политика» Аристотеля. Актуальность основопонятий	10
Н. Макиавелли без тайн и загадок	24
Введение	24
Н. Макиавелли: жизнь и творчество	26
Макиавелли и «макиавеллизм» дискуссия длиною в 500 лет	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

О. А. Матвейчев

Политические онтологии

Предисловие

Великие философы свидетельствовали, что философия начинается с удивления. С удивления, казалось бы, знакомым вещам, внезапно оказывающимся в неожиданном свете. Сегодня сами философы вызывают удивление. И для того, чтобы они предстали в неожиданном свете, достаточно просто... прочитав их тексты. Тысячелетия, века, а порой лишь всего десятилетия традиций интерпретаций превращают тексты великих мыслителей в хранилище ярлыков.

Современный студент, который, естественно, за нехваткой времени, не обращается к оригинальным текстам, получает из т, так называемой, «критической» и «учебной» литературы самые причудливые представления о философии того или иного мыслителя. Как правило, вся «учебная» литература пишется на основании суммирования и увязывания всей «предшествующей критической литературы». В итоге, такое «среднее арифметическое» искажает картину, так как количество вульгарных интерпретаций великих текстов всегда выше, нежели количество интерпретаций творческих, оживляющих.

Историк философии сегодня имеет две задачи: во-первых, работа с оригинальными текстами, во-вторых, работа с традицией интерпретаций. Эту, вторую задачу М. Хайдеггер назвал «деструкцией». Негативный оттенок, который несет в себе это слово, ни в коей мере не относится к текстам великих философов: «Отрицающе деструкция относится не к прошедшему, ее критика касается „сего дня“ и в нем господствующего способа трактовки истории онтологии...» (Хайдеггер М., Бытие и Время, М, 1997 г., стр. 22–23).

Очерки, собранные в этой книге, ни в коей мере не претендуют на оригинальную трактовку оригинальных текстов. Напротив, это, скорее, пересказ оригиналов, «первое чтение» или даже конспект. Но именно благодаря такому конспективному характеру и близости к первоисточнику, данные очерки далеки от распространенной манеры интерпретации, делающей всех философов сначала похожими друг на друга за счет абстрагирования от существенных и радикальных черт их мышления, а затем (чтобы как-то их различать) изобретающей ярлыки, «измы», классификации, загоняющие живую мысль в прокрустово ложе мертвых схем, внешних интерпретируемых текстам.

Выбор фигур для исследования диктуется не только пристрастиями автора, но, прежде всего, значимостью исследуемых текстов для истории философско-политической мысли. Значимость порождает дискуссионностью Поэтому вокруг имени Макиавелли или Маркса «накручено» множество раз-

ных мифов. Зачастую их тексты интерпретировались сквозь призму политической практики, так что множество чисто теоретических проблем (которые, на самом деле, и оказываются самыми практическими проблемами) было упущено. Политический срез в мышлении великих философов является, с одной стороны, легким для интерпретации, с другой стороны – трудным. Легким – потому, что политические взгляды в метафизике производны от онтологии (отсюда и название книги). Трудным – именно потому, что здесь «намешано» больше всего интересов, влияющих на интерпретацию. Как сказал один классик: если бы теорема Пифагора касалась имущественных и политических интересов людей, то она была бы самой спорной. Именно на философско-политические тексты в большей мере распространяется «запутывающая» власть традиции.

Конечно, тексты великих философов многогранны. И данные очерки останавливаются лишь на отдельных мыслях мудрецов, мыслях, которые оказались незаслуженно забыты или заболтаны, мыслях, значение которых не потеряло актуальности.

Так, «конспект» «Политики» Аристотеля останавливается на понятии «рабства», которое вовсе не было горизонтом, ограничивающим мышление Стагирита. Напротив, мы до сих пор живем в горизонте этого понятия, а значит, и в горизонте аристотелевской политики.

Очерк о Макиавелли призван развенчать ту мифологию,

которая возникла вокруг его фигуры за последние 500 лет, и показать, что Макиавелли имел достаточно простую и непротиворечивую концепцию политики. Но это становиться понятно, если попытаться вычислить в сплошном тексте Макиавелли статус каждой мысли. Относится ли данное утверждение к сфере методологии или к прагматике? Относится ли оно к первичному уровню рефлексии или ко вторичному?

В отличие от Макиавелли Спиноза сам упорядочивает свой дискурс. Каждая мысль располагается у него согласно ее статусу. И это не избавило Спинозу от многочисленных ярлыков и искажений интерпретации, которые живут до сих пор (достаточно заглянуть в любой философский словарь или учебник).

С Гегелем и Марксом и их понятием «отчуждения» произошла обратная история. Если Спинозу часто «недопонимали» и интерпретировали вульгарно, то Гегеля и Маркса, которые долгие годы в России занимали вершину философского пьедестала, просто «переинтерпретировали», «перепоняли». Понятию «отчуждения», в частности, посвящены десятки монографий, отчего оно превратилось чуть ли не в волшебный золотой ключик к системам великих мыслителей. Даже если это и справедливо, то, тем не менее, понятие, на первый взгляд, нуждается в десакрализации и возвращении к своему «нормальному» смыслу.

Понятие «морали», о котором идет речь в следующем

очерке, напротив, должно быть избавлено от самопонятности. Вся его многосложность представлена в дискуссии между Спенсером и Ницше (протекавшей, естественно, заочно). И сохраняющей актуальность в нашу эпоху.

Очерк о Циолковском (также мифологизированной фигуре) оставлен для того, чтобы отдать дань отечественной традиции. Циолковский, в какойто степени, типичный ее представитель. Не являясь оригиналом в исходных посылках (как и практически все русские мыслители), он, тем не менее, создает новую вариацию исходных тем. Так, его мышление всецело определено позитивизмом, мальтузианством, дарвинизмом и ницшеанством. И эта смесь, помноженная на идеологию Н. Федорова, как ни странно, открывает новые горизонты для геополитики. Благодаря открытию этих горизонтов Россия стала в XX веке сверхдержавой, вышла в космос, опередила и напугала всех до такой степени, что «все» объединились и победили ее в холодной войне.

И, наконец, очерки о Хайдеггеровской интерпретации новоевропейской онтологии призван, с одной стороны, развенчать все мифы о принадлежности Хайдеггера к традиции Нового времени, с другой стороны, еще раз напомнить о его оригинальных трактовках мышления современных философов, с тем, чтобы яснее видеть труднейшую задачу по переводу мысли на новые пути.

Все герои этих очерков являются узловыми фигурами для своего времени, а значит, и для всей истории. В то же вре-

мя, они несколько маргинальны. Так, из античности взят не Платон, а Аристотель, из Средневековья не Фома и даже не Оккам, а Макиавелли, из Нового времени – не Гоббс и не Руссо, а Спиноза. Из XIX века – не Маркс, а Спенсер и Ницше. Конечно, Маркса и немецкую классику невозможно было обойти, но они взяты через маргинальную для них тему. Фигура Циолковского также при всей важности для геополитики и науки – несколько маргинальна.

И, наконец, загадка XX века – Хайдеггер, не попадающий ни в одно из «течений» и «направлений», и в то же время дающий понимание их всех.

Маргинальные мыслители, пусть даже великие маргинальные мыслители, имеют больше шансов попасть под власть искажения и забвения. Освежить в памяти великие имена и великие тексты – вот единственная задача данной книги. На большее она не претендует.

«Политика» Аристотеля.

Актуальность основопонятий

У нас глубоко укоренилось мнение, что настоящий философ должен быть далек от политики, от жизни с ее страстями и хлопотами, что философ выстраивает себе идеальный мир, а затем, сравнивая его с реальностью, неизбежно приходит к критике и неприятию последней. Возможно, это мнение верно в отношении некоторых других философов, но только не в отношении Аристотеля, который всю жизнь был близок политике (одно воспитание Александра Македонского чего стоит). А размышления о текущей политике сопровождают все его творчество. Его учение о политике и государстве построено в полемике с «Государством» и «Законами» Платона — действительно далекими от жизни утопиями. Приближенность к реальности, однако, не делает концепцию Аристотеля слишком зависимой от условий и взглядов того времени, когда она создавалась. Напротив, актуальность ее просто поразительна; Аристотель, как будто современник, высказывается по волнующим нас политическим проблемам, причем часто его аргументация более убедительна, чем у современных авторов.

Кроме того, в его учении можно найти ряд идей, незаслуженно забытых или же отвергаемых сегодня чаще всего из-за

неверного понимания. На некоторых из них, насколько это возможно в рамках очерка, необходимо будет остановиться.

Политическое учение Аристотеля изложено в большом трактате, так и называемом «Политика». Трактат состоит из 8 книг, каждая из которых посвящена одной – двум проблемам. Книги не имеют между собой строгой логической связи, видимо потому что писались в разное время. Здесь мы будем следовать за автором.

Возможно, наиболее трудной для понимания, поэтому основной, является первая книга «Политики», где излагается понимание природы государства и его необходимые элементы. Природа, по утверждению Аристотеля, ничего не делает напрасно. Поскольку человек наделен речью, и, причем, не так как животное, которое лишь выражает чувства, а так, что он способен воспринимать добро и зло, справедливость и несправедливость, то, следовательно, и конечной целью, пределом развития человека является справедливая и добродетельная жизнь. Ради такой жизни люди вступают в общение, и этим общением является государство. Государство, таким образом, существует по природе (не путать: от природы), «ведь мы называем природой каждого объекта... то его состояние, какое получается при завершении его развития» (кн. 1, I, 8).

Кроме государства существуют более частные виды общения, например, селения, и самый маленький элемент – семья. Анализу семьи и посвящается большая часть первой

книги «Политики». Семья, по Аристотелю, держится на трех отношениях и одном искусстве:

1. отношение «господин – раб»;
2. отношение «муж – жена»;
3. отношение «отец – дети»;
4. искусство домовладения

Подробнейшим образом Аристотель остановился на первом и последнем, мы последуем здесь за ним. Во вступительной статье к четвертому тому сочинений Аристотеля говорится: «Ссылаясь на природу, неравномерно, по его мнению, распределившую между людьми умственные способности, Аристотель защищает один из устоев античного общества – рабство» (Аристотель соч. в 4-х томах т. 4 М. 1984 стр. 39). В этом видится ограниченность мыслителя, его неспособность выйти за пределы своего времени. Так ли это на самом деле? Аристотель начинает вовсе не с утверждения, что люди от природы не равны. Он исходит из разделения деятельности на активную и продуктивную: «если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектеры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в работниках, а господам не нужны были бы рабы» (кн. 1, II, 5).

Деятельность осталась и сегодня такой же, какой была во времена Аристотеля. Любой, даже самый современной, технике нужен обслуживающий персонал, техника не может без человека. Человек, который об-

служивает ее и называется Аристотелем рабом, под это подпадает и крепостной, и промышленный рабочий, и современный программист компьютера. Когда Аристотель говорит о рабстве, то он вовсе не доказывает необходимости лишения прав и свобод некоторых людей, он лишь говорит, что в природе как системе мироздания существует такая деятельность, которой необходимо должен кто-то заниматься, а именно деятельность по обслуживанию машин. Тот, кто ей занимается, тот и называется рабом. Аристотель вкладывает в это слово другой, отличный от нашего смысл. Но горе-интерпретаторы предпочли этого не заметить. Легче обвинить Аристотеля в исторической ограниченности...

Рабство, таким образом, у него существует по природе, что вовсе не тождественно понятию раб от рождения. Конечно, Аристотель говорит, что в ситуацию «раба по природе», т. е. человека занимающегося производственной деятельностью чаще всего попадает человек к этому предрасположенный – варвар с грубой душой и выносливым телом. Но философ не делает на это упор и поступает весьма предусмотрительно: современная техника делает рабом скорее тип противоположный.

Возможность исчезновения рабства появляется только с созданием такой техники, которая бы не требовала для себя человека, т. е. была бы самозамкнутой. Это содержит требование отказаться от бесцельного прогресса и признать неко-

торый уровень развития техники и благосостояния достаточным.

Создается впечатление, что Аристотель видел вперед на тысячелетия, и его предложения ждут, когда человечество устанет от бесцельной технической гонки. С этим же связано требование Аристотеля отличать искусство домовладения от искусства накопления. Первое существует по природе, т. к. поддерживает жизнь людей и обеспечивает возможность благой жизни, второе – противно природе, т. к. накопление имеет целью само себя, богатство ради богатства, не потребление вещей, а обменивание их, т. е. действие с ними не по прямому назначению.

Говоря языком экономиста Аристотель выступает за натуральное хозяйство и за простое, а не расширенное воспроизводство продукции. В этом он видит глубокий смысл. Расширенное воспроизводство вовлекает в себя все больше и больше людей, т. е. делает их рабами (рабочими). Большое количество рабов в государстве особенно при демократическом (власть большинства над меньшинством) проявлении не способствует благой жизни. Большинство всегда гуманнее меньшинства, так как образованных людей всегда меньше.

Вторая книга «Политики» как раз и посвящена проблеме государственного устройства. Аристотель рассматривает здесь существующие государственные устройства, т. е. греческие полисы и колонии. Он разбирает их достоинства и недостатки. Существенно то, что все они весьма далеки от

совершенства. Но что нужно считать совершенным государственным устройством?

Существует несколько проектов на этот счет. Более известным, конечно, является тот, что изложен в «Государстве» Платона. Создание идеального государства оказывается очень трудной вещью. От чего нужно отказаться жителям платоновского государства в первую очередь – это собственные интересы, ибо только они являются причиной порчи нравов, чтобы они не разнесли в клочья государство, что обычно бывает, когда люди считают своим не одно и то же, но каждый другое: один тащит в свой дом все, что только может приобрести, не считаясь с остальными, а другой делает то же, но тащит уже в свой дом; жена и дети у каждого свои, а раз так – это вызывает и свои, особенные для каждого, радости и печали. Напротив, при едином у всех взгляде насчет того, что считать своим, все они ставят перед собой одну и ту же цель и по мере возможности испытывать одинаковые состояния радостные и печальные (Платон соч. т. 3, часть 1, Москва, 1971 г, стр. 263).

Платон в своем государстве собирался ввести общность жен, имущества и т. п. Порядок будет обеспечивать сословие стражей, они же будут защищать государство от внешних врагов. Другие сословия, ремесленники, торговцы и прочие, должны трудиться не переходя из одного сословия в другое. Люди попадают туда с детства, и это зависит от их способностей. «Бог, вылепивший вас, в тех из вас, кто способен пра-

вить, применял при рождении золото, и поэтому они наиболее ценны, в помощников их – серебро, железо и медь – в земледельцев и разных ремесленников...» (стр. 203). Руководят государством философы, лишних людей, вроде поэтов, – нет. Все равны, т. к. богатый очень скоро перестает совершенствоваться, бедный также не совершенствуется – у него другие заботы. Государство у Платона работает как сложный механизм. Именно поэтому достаточно одного единственного сбоя, чтобы оно все перестало работать. Платон хотел стабильности, а добился хрупкости.

По Аристотелю, государство допускает внутри себя большие вариации. Платон же, по его мнению, превратил государство во что-то вроде семьи. Он уничтожает своеобразие государства. Все это делается Платоном ради идеи блага. Но истинное благо, говорит Аристотель способствует сохранению вещи, а не ее уничтожению. Аристотель также приводит и массу практических аргументов, показывающих, что платоновское государство, даже если бы и было создано, тут же бы и развалилось. То что нельзя осуществить – то не стоит и пытаться осуществлять – итог рассуждений Аристотеля.

Но каковы же другие варианты государственных устройств? Этому вопросу посвящена третья книга «Политики». Власть в государстве может принадлежать либо одному, либо некоторым, либо большинству. Отсюда три формы устройства: монархия, аристократия и полития (республика). Но есть также и три испорченные формы, они соот-

ветствуют трем правильным. «Царская власть – правление одного, имеющего в виду общее благо; тирания – правление одного, руководящегося собственной выгодой; аристократия – правление немногих, лучших, осуществляемое в интересах всех граждан; олигархия – правление немногих состоятельных граждан, думающих только о собственной выгоде; полития – правление большинства... пекущегося об общем благе; демократия – правление большинства, неимущих, в интересах исключительно этого большинства» (Аристотель, соч. в 4х томах, т. 4, М., 1984, стр. 41).

Но все это теоретическое разделение устройств. В реальной жизни все одновременно и тоньше и грубее. Тоньше потому, что **невозможно установить для всех один какой-нибудь идеал**. Условия (география, обычаи и т. п.) везде разные, соответственно та или иная часть государства может получить большее развитие, чем другая (военное, торговое государство и т. п.). **Не всегда и не везде можно осуществить любую форму правления**. Для Аристотеля демократия или республика – отнюдь не привелигированное государственное устройство, не идеал, к которому должна стремиться история. Они – всего лишь одна из форм государства, равноправные с той же монархией. С другой стороны – практика грубее теории, т. к., по сути, везде существуют две основные формы государственного устройства – олигархия и демократия – власть богатого меньшинства или власть бедного большинства. Все это Аристотель показывает

в четвертой книге «Политики». Существует масса разновидностей олигархий и демократий, все они подробно анализируются. Если же все-таки попытаться ответить на вопрос – какое из устройств лучшее, то упрощенно можно сказать так – то, где велик **средний класс**. В таком государстве нет ни наглости богатых, ни подлой зависти бедных. **Наращивание среднего класса полезно для любой формы**. Из самих же форм государственного устройства Аристотель считает лучшей аристократию и монархию, худшей из лучших – политию (республику) и лучшей и худших – демократию. В четвертой книге Аристотель также вводитделение законодательной, исполнительной и судебной властей и анализирует их взаимодействие в различных формах государственного устройства.

Анализ причин смены форм государственного устройства Аристотель осуществил в книге пятой. Существует много причин смены государственного устройства. Две же основные из них кроются в неверном понимании равенства. Одно мнение гласит: «равенство в каком-нибудь отношении влечет за собой и равенство вообще, из того положения, что все в одинаковой степени свободорожденные, заключают и об их равенстве вообще» (кн. 5, I, 2). Второе гласит, что «неравенство в одном отношении обуславливает неравенство вообще; раз существует имущественное неравенство, то из него вытекает и неравенство вообще» (кн. 5, I, 2).

Смены государственных устройств возникают из-за то-

го, что либо бедные недовольны богатыми, либо из-за того, что богачи требуют себе больше прав, чем есть у большинства. Отсюда и два способа смены устройства: говоря современным языком – это **революция** и **узурпация**. Поводов и к той, и к другой всегда предостаточно: кто-то оказался незаслуженно возвеличен, кто-то другой достойный величия оказался обойден и т. д., и т. п. Важно другое. Оба способа смены формы правления ведут по сути к одному результату: один неправильный способ правления заменяется другим столь же неправильным способом. Ибо при правильном государственном устройстве все граждане не имеют причин для недовольства. И все же неуязвимых форм правления не бывает. Любая из них может погибнуть, например, в результате завоевания. Конечно, при хорошем правлении этот шанс невелик – государство не имеет внутренних врагов, все его граждане – патриоты и защищают страну с удвоенной силой.

Из всех форм, наиболее худшая и наименее стабильная – тирания. Как правило эта форма правления прекращается со смертью тирана, ни одна из тираний не существовала дольше 100 лет, затем государство вырождается либо в демократию, либо в олигархию, а тут уже появляется шанс перейти к одной из лучших форм. Аристотель подробно прослеживает типичные сценарии смены форм государственного устройства. И за более чем 2000 лет никаких новых сценариев не добавилось.

В книге шестой Аристотель ставит вопрос о смешанных формах. Смешение форм происходит, по его мнению, в результате того, что одна из ветвей власти формируется, например, аристократическим способом, другая – демократическим, третья – олигархическим и т. д. и т. п. Аристотель обсуждает наиболее часто встречающиеся и в каждом находит достоинства и недостатки. В связи с таким многообразием возникает вопрос о критериях и признаках, на основании которых все же можно тот или иной гибрид отнести к той или иной форме. Аристотель перечисляет такие признаки.

Демократией можно назвать такое государственное устройство, где осуществляется в той или иной степени свобода, где сильна идея равенства, где есть право за большинством на окончательное решение, где большую роль в политике играют демагоги (люди, говорящие как бы от лица народа, заводящие толпу) и т. д. и т. п.

Признаками олигархий является отстраненность большинства от принятия важнейших решений, большую роль в политике играют богатые, права большинства часто ущемляются и т. д.

Но «собирающемуся представить надлежащее исследование о наилучшем государственном строе необходимо прежде всего точно установить, какая жизнь заслуживает наибольшего предпочтения. Если это остается невыясненным, то, конечно, неизвестно будет и то, какой государственный строй должен быть признан наилучшим» (кн. 7, I, 1).

Проблема наилучшего образа жизни – это проблема седьмой книги «Политики» Аристотеля. Счастье государства – это счастье всех его граждан. Для достижения же счастья отдельного человека необходимо три вида благ: внешние, физические и духовные, т. е. иными словами, достаток, здоровье и добродетели. Первый вид благ зачастую зависит от случая, второй вид зависит и от случая, и от самого человека, третий – только от последнего. Поэтому хотя бы это частицу счастья всякий может воспитать в себе сам. Обеспечение внешних благ Аристотель возлагает на государство (т. е. не само обеспечение, а создание условий для того, чтобы каждый человек мог беспрепятственно заботиться о своем достатке). Все эти условия (величина государства, географическое положение и т. д.) оговариваются Аристотелем в этой книге. Физические блага тоже частью зависят от этих условий. Что же касается последнего вида благ – духовных – то их нужно воспитывать. Для воспитания государство тоже должно обеспечить соответствующие условия. Граждане не будут заниматься духовным самосовершенствованием, если не имеют пропитания, если в государстве не процветают ремесла, если оно беззащитно перед врагом, если в нем разлажена финансовая система, если правители не пекутся о религиозном культе. Причем очень важно не переконцентрироваться на одном из пунктов, а развивать все равномерно.

Отдельную, последнюю, книгу «Политики» Аристотель посвящает воспитанию как важнейшей задаче

государства. Государство не воспитывающее своих граждан (особенно юношей) не выполняет своего предназначения, т. к. не может быть счастлив злой, невоспитанный человек, а счастье граждан – цель государства. **Обучать молодежь нужно не только и не столько тому, что практически полезно, но как раз тому, что подобает благородному, и свободрожденному.** Среди таких знаний Аристотель называет: грамматику, гимнастику, музыку, рисование. Воспитание свободных нужно отличать от воспитания рабов. **Свободные изучают все науки до известного предела.** Они должны иметь общие знания, знания о целом, **а ни в коем случае не становиться «специалистами».** За эту мысль К. Поппер, известный защитник современного буржуазного общества, записал Аристотеля чуть ли не в личные враги. В обучении наступает предел, когда времени на все начинает не хватать, и человек в ущерб целому начинает изучать что-нибудь одно. **Быть специалистом по Аристотелю – удел рабов.** Рабов, собственно говоря, воспитывают как специалистов, как приученных к только одному виду деятельности, к обращению с той или иной техникой, к выполнению той или иной работы. Такой человек не способен быть полноценным гражданином, ибо в государстве требуется не только и не столько производственная деятельность, а умение рассуждать, поступать справедливо, умеренно, мудро, мужественно и т. д. и т. п. Всему этому рабов не учат, т. к. трата времени на это отнимает время и от работы. Таким

образом раб становится плохим рабом, еще не успев стать хорошим гражданином. Чтобы не было людей «не рыба, не мясо», Аристотель предлагает два вида воспитания, говоря современным языком, гуманитарное (для свободных) и техническое (для рабов). Рабы при этом не обладают гражданскими правами, т. к. не обладают добродетелями, а большей частью грубы, эгоистичны, подвержены страстям и т. д. Такие люди могли бы привести государство только к развалу. Это хорошо иллюстрирует пример СССР, который развалила именно «техническая интеллигенция», которую без меры плодила советская система образования.

Воспитание граждан не только цель государства, но и способ его существования, т. к. ни одно государство не продержится долго, если в нем не живут деятельные, рассудительные и добродетельные люди, а живут только люди занятые производством, накоплением, грубые и невоспитанные.

Невозможно, конечно, осветить все продуктивные идеи Аристотеля в коротком очерке. Но надо отметить, что это солидное, фундаментальное политологическое исследование вполне конкурентоспособное на современной политологической арене, исследование, общая теория, которой так не хватает сейчас, в хаосе мелких, отдельных взглядов и позиций.

Н. Макиавелли без тайн и загадок

Введение

Фигура Макиавелли, наверное, самая мифологизированная в истории философии политики. Ему приписывают то дьявольское коварство, то ангельское добролюбие. Трактовки творчества Макиавели разнятся, между прочим, в зависимости от того, как интерпретируют эпоху, в которую он жил и творил. До «проблемы Макиавелли» лежит «проблема Возрождения».

Поскольку в историко-философской науке является типичным выведение философа из его эпохи (так как «философия – квинтэссенция эпохи»), то загадочность Макиавелли укоренена в загадочности Возрождения. В самом деле, что это за эпоха? Считается, что у всякой эпохи есть свой основополагающий принцип. Но каков «принцип Возрождения»? Тут начинаются дискуссии... Если со средневековьем, античностью или Новым Временем все ясно, то и к Возрождению подходят, порой, с прямо противоположными суждениями. Одни, как А. Ф. Лосев, видят в нем ренессанс неоплатонизма, другие, как Л. М. Баткин, эпоху возникновения оригинального титанического гуманизма. Третьи, такие как М. Фуко, вообще считают Возрождение «продолжением

Средневековья». А. Л. Фейербах в свое время отодвигал в ту эпоху начальную точку Нового Времени. Со времен Мишле и Бургхардта дискуссия о Возрождении разгорается все сильнее. И каждый проницательный историк находит свой, новый принцип.

Мы попробуем тоже ответить на этот вопрос. Но пойдем «другим путем». Мы не будем сначала устанавливать «принцип эпохи», а потом выводить из наго Макиавелли (который оказывается в этом случае то «обобщателем опыта Средневековой политики», то «певцом новой политической науки новой Европы»). Напротив, рассматривая творчество Макиавелли, мы попробуем выяснить характер эпохи.

Но это – попутная задача. Главное – пролить свет на «загадку» Макиавелли, ответить на вопрос: почему он уже не одно столетие приковывает к себе внимание? Обусловлено это спецификой его мышления или же политической конъюнктурой, которая всегда находит в Макиавелли удобную мишень?

Н. Макиавелли: жизнь и творчество

Макиавелли (1467–1527) родился во Флоренции в семье небогатого юриста. До тридцати лет Макиавелли является созерцателем (и в какой-то мере участником) многочисленных политических событий, происходящий в то время во Флоренции и вообще в Италии: усиление и ослабление дома Медичи, рост популярности Савонаролы, и его последующее падение и казнь, войны между европейскими государствами и княжествами и республиками Италии, борьба за папский престол... В 1498 году Макиавелли становится секретарем в правительстве Флоренции. До 1512 года он занимает этот пост, выполняя в основном дипломатические поручения. После реставрации Медичи, Макиавелли сначала подвергся аресту, но затем был оправдан и получил разрешение жить в деревенском уединении близ Флоренции. С этого времени он становится писателем (хотя изредка ему поручают дипломатические миссии его высокопоставленные друзья в других городах Италии). К наиболее значительным произведениям Макиавелли, написанным в последний период жизни относятся: «Государь» (1515), «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия» (1515), «О военном искусстве» (1519), «История Флоренции» (1525). Кроме этого Макиавелли является автором множества публицистических работ на различные актуальные для того времени темы: памфлетов, воз-

званий и т. п. Макиавелли проявил также литературный талант, написав несколько пьес. Особое значение имеет также огромная переписка Макиавелли с выдающимися людьми того времени (в первую очередь с Гвиччардини). Макиавелли, благодаря своей деятельности и творчеству, получил признание уже при жизни: его авторитет как политика, дипломата, как ученого признавали даже его враги. Макиавелли умер в окружении многочисленных друзей и почитателей в возрасте 60 лет.

Макиавелли и «макиавеллизм» дискуссия длиною в 500 лет

В XVI веке политическая наука стала развиваться бурными темпами. Нельзя сказать, что Макиавелли был ее родоначальником, т. к. огромную важность вопросы политики приобрели уже у средневековых мыслителей (Фома, Оккам, М. Падуанский и др.). Скорее можно говорить о внезапном появлении большого количества оригинальных мыслителей – философов политики.

В это время выходят в свет такие сочинения как «Франко-Галлия» Ф. Отмана, «О государстве» Ж. Бодена, являющиеся не менее классическими (если можно так выразиться) для политической науки, чем тексты Макиавелли. Однако, уже через 50 лет после смерти, Макиавелли начинают постоянно включать в число отцов-основателей новой науки, причем включать очень странным образом: как фигуру одиозную. В самом деле, ни Отман, ни Боден, ни де ла Боэсси, ни Гроций – никто из великих правоведов тех времен не вызывал, и сейчас не вызывает таких дискуссий, как Макиавелли. Примечательно, но первое серьезное исследование творчества итальянского мыслителя носило название: «Анти-Макиавелли» и принадлежало перу француза И. Жантийе. В этом произведении автор сформулировал все основные претензии к Макиавелли и его доктрине, с тех пор называемой

«макиавеллизмом». Эти претензии на сотни ладов пересказывались затем различными учеными и дожили до XX века. Во введении к трактату Жантйе писал, что цель его состоит в том, «чтобы указать людям, принадлежащим к нашему французскому народу, на источник тирании, которая существует во Франции в течение уже 50 лет, и на ее теоретика»¹. Итак, первый и главный упрек Макиавелли состоял в том, что он адресует свое произведение государю, а не народу, и, следовательно, сосредоточен на воспитании тирана и ищет средства для поддержания тирании. Такая установка возникла у Макиавелли потому, что он полностью игнорирует идею права (как любой тиран). Игнорирует право божественное, т. к. сознательно абстрагирует религию от науки управления (а ведь божественное право запрещает убивать), игнорирует право естественное, т. к. негативно изображает человека, которого создала природа, наконец, игнорирует право гражданское, т. к. ставит выполнение законов в зависимость от силы государя. Именно тираны, по мнению Жантйе пользовались рекомендациями Макиавелли и их опыт послужил основой для его книги. Напротив, великие мудрые цари действовали всегда противоположно тому, что предлагает Макиавелли. Многие современные мыслители видят подтверждение этим словам в тех фактах, что Гитлер и Сталин – величайшие тираны XX века, весьма уважали Макиавелли.

¹ Эльфонд И. Я. Проблема тирании в трактате И. Жантйе «Анти-Макиавелли.»// Культура Возрождения и общество. – М., 1986 г., 193 с.

В самом деле, достаточно несколько цитат для того, чтобы подтвердить правоту Жантийе и навсегда обвинить Макиавелли в аморализме, антигуманизме, жестокости и пособничеству тиранам: «государь прежде всего должен стремиться к тому, чтобы его считали весьма благочестивым, даже если он и не таков..., государь должен искоренить род тех, кто раньше господствовал в завоеванной стране..., государь должен подражать Цезарю Борджа..., государя, если он хочет, чтобы ему повиновались, не должно смущать то, что за ним закрепились репутация жестокого..., для государя лучше, чтобы его боялись, чем любили..., государь должен сочетать природу льва и лисицы..., жестокость, которая ведет к доброму концу, не должна осуждаться..., государь не должен страшиться предательства, обмана и притворства..., вера, милосердие, щедрость – добродетели, которые могут сильно повредить государю..., государь должен свыкнуться в душе с тем, что будет бесчеловечным и жестоким... и т. д.»²

² Эльфонд И. Я. Проблема тирании в трактате И. Жантийе «Анти-Макиавелли.»// Культура Возрождения и общество. – М., 1986 г., 193 с.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.